DOI: 10.31860/978-5-918680-445-499-502

К 100-летию со дня рождения В. П. Астафьева

К 100-летию со дня рождения Б. Ш. Окуджавы

В. П. АСТАФЬЕВ. ПЕСНЬ ПОЭТА ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой)

Аннотация: Публикуется заметка В. П. Астафьева, написанная после смерти Б. Ш. Окуджавы в июне 1997 г., черновой автограф которой сохранился в архиве Астафьева. По авторизованной машинописи из этого же архива воспроизводится стихотворение Окуджавы 1990 г., посвященное Астафьеву.

Ключевые слова: В. П. Астафьев, Б. Ш. Окуджава, стихотворение, архив, песни, признание, война, поэт, интеллигенция.

Abstract: The article deals a note by V. P. Astafiev, written after the death of B. Sh. Okudzhava in 1997, whose draft autograph has been preserved in Astafiev's archive. According to authorized typing from the same archive, Okudzhava's poem of 1990 dedicated to Astafiev is reproduced.

Key words: V. P. Astafiev, B. Sh. Okudzhava, poem, archive, the songs, recognition, the war, poet, intelligentsia.

Виктор Петрович Астафьев. Булат Шалвович Окуджава.

Тридцать лет назад эти два имени были знакомы почти каждому советскому человеку. Читались произведения Астафьева, бурно обсуждались; люди плакали, слушая песни Окуджавы, а достать билеты на его концерты считалось сказочной удачей... Советский Союз давно распался, и уже нет с нами этих двух замечательных людей, но мы по-прежнему любим песни Окуджавы и вновь переживаем за судьбы героев Астафьева.

Эти два человека хорошо знали друг друга. Дружили ли они? Скорее нет. Уважали друг друга? Несомненно. У них было много общего: трудное детство без родителей, война, фронтовая молодость, трудный творческий путь к признанию и славе, «Русский букер», и в 1990-е — одинаковая непримиримая политическая позиция. Между ними была симпатия, иначе не написал бы Булат Шалвович стихотворение «Подмосковная фантазия», посвященное Астафьеву. Авторизованная маши-

© Виноградова Е. В., 2024

нопись этого стихотворения сохранилась в архиве Астафьева в Пушкинском Доме.

ПОДМОСКОВНАЯ ФАНТАЗИЯ

Виктору Астафьеву

Ворон над Переделкином черную глотку рвет;
Он как персонаж из песни над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь его вдохновенный рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца.

И, видя глаз прозорливый и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,
Я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо:
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем.

Когда бы я был поэтом — я бы нашел слова
точные и единственные, не мучаясь, не морочась,
соответствующие склонностям этого существа
и скромным моим представлениям о силе его пророчеств.

Но я всего стихотворец: так создан и так живу
в пристрастии к строчке и рифме, в безумии этом нелепом,
я вижу крылья, присущие этому существу,
но не пойму души его, ниспосланной ему небом.

Я выгляжу праздным и временным в застывших его глазах,
когда он белое облако рассекает крылом небрежным.
Я царствую в Переделкино — он царствует в небесах,
и в этом его преимущество передо мною, грешным.

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
и что-то он все пророчит мне, будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает все наперед...
Но тут уж мое преимущество перед лесным пророком.

1990 Б. Окуджава[1]

Стихотворение было ранее опубликовано[2], но во всех печатных сборниках третья строчка пятой строфы выглядит по-другому: «Я царствую здесь, в малиннике, — он царствует в небесах»[3], и в конце стихотворения был изменен синтаксис, что несколько искажало его смысл.

[1] РО ИРЛИ, ф. 805, оп. 2. В настоящее время фонд находится в научно-технической обработке.

[2] См.: *Окуджава Б.* Ваше благородие, госпожа удача. М.: Эксмо, 2002. С. 335—336.

[3] В первой журнальной публикации стихотворения (под назв. «Московская фантазия») эта строка звучала иначе: «Я здесь прозябаю... в малиннике, он царствует в небесах» (*Окуджава Б.* Пока я на волю отпущен... // Дружба народов. 1991. № 4. С. 3).

В архиве В. П. Астафьева сохранилась также небольшая его статья (некролог?), посвященная Б. Ш. Окуджаве. Приводим ее текст по автографу Виктора Петровича.

Песнь поэта для вечности. 15 июня 1997 г.

Нынешней весной здесь, в моем родном селе, умер мой двоюродный брат — бывший пулеметчик. Он по ранению был отправлен домой и вплоть до пенсии работал на сплаве и лесозаготовках. Осталась от него в наследство жене старая изба, в которой половицы проваливаются в подполье, черно-белый телевизор и гардероб, сработанный инвалидами войны в здешней столярке еще в сорок седьмом году. Руки, ноги его корежил страшный ревматизм. Однажды навестив его с бутылкой водки, я выслушал его рассказ о доле советского рабочего и понял, что ни в одной колонии, ни одного негра так не обирали, не обижали, не издевались над ним, как над этим безобидным мужиком, инвалидом войны, кровь, здоровье, силушку свою без остатка положившим на алтарь отечества.

Он был моложе меня на восемь дней и, стало быть, ровесник покойному поэту Булату Окуджаве. Я верю, там, в небесах, души их, душа бессловесного труженика и душа поэта, сострадающего всем обездоленным, мирным жителям земли русской, непременно встретятся и воедино сольются, и будет им, старым солдатам, покойно и хорошо, никто их больше не потревожит, не намучит, ни боль от старых ран, ни слезы, поскольку жизнь там бесконечна и светла. И нет у Бога в небесах войны, зла, борьбы, и все души, направленные на песнь и любовь, пусть будут хотя бы там братские, Богом на божье настроенные.

Я не очень коротко знал Булата, был вместе с ним в одной творческой поездке по Болгарии, в Москве мимоходом встречался. Он был ко мне приветлив, обнимет, лбом в лоб накоротке тянется: «Жив, ну и слава Богу. О здоровье не спрашиваю, наше здоровье уже не в наших руках». Однажды прислал он мне большую, хорошо изданную книгу со своими песнями и нотами к ним. Я был не только удивлен, но и потрясен тем, что половина песен из этой книжки уже считается народными.

Его проводили и оплакали многие друзья, товарищи, почитатели таланта, но более всех, искреннее всех горевала о нем провинциальная интеллигенция — учителя, врачи, сельские газетчики, жители и служители городских окраин, где еще помнят и чтят не только родство, но и певца, посланного Богом для утешения и прославления вечно о чем-то тоскующей российской души.

Многих поглотила бездна и сомкнулась над ними. Над творцом небо всегда весенне-голубое, и оттого в радостном, добром небе не видно прорванного места, но есть певцы, над которыми долгие, долгие

годы, иногда вечность, — бездна бессильна, не может она, разъятая, <заживить> земную рану, утешить человеческую боль.

Голос нашего современника, певца и поэта, все слышен нам, все звучит над нами и в нас. Пусть веселой будет песнь Булата, пусть и за смертью она утешает и делает нас, людей, лучше, пусть песнь добра и сострадания, им воззванная и пропетая, торжествует на земле, пусть люди поклоняются поэтам, восславляющим мир и любовь, а не вождям и политиканам, сеющим смуту, смерть, творящим нечестивое дело.

В. Астафьев[4]

В этой статье Виктор Петрович упомянул о совместной с Окуджавой поездке в Болгарию. В память об этой поездке, состоявшейся в 1987 г., в архиве писателя сохранилось несколько групповых фотографий: В. П. Астафьев с Б. Ш. Окуджавой и А. Г. Битовым в гостях; Б. Ш. Окуджава на скамейке с др. лицами и т. д.

Виктор Астафьев пережил Булата Окуджаву на 4 года. В 1997—1998 гг. в Красноярске вышло из печати 15-томное собрание сочинений Астафьева, над которым он тщательно работал предыдущие годы. Написать задуманную им третью часть романа «Прокляты и убиты» он уже не смог: не было сил.

Виктор Петрович Астафьев... Булат Шалвович Окуджава... Почему эти имена до сих пор так дороги нам? «Песнь поэта — для вечности», а их произведения — не на время, а навсегда. В них есть та самая «энергия вечности». Вечная им память!

Библиографический список

1. *Окуджава Б.* Ваше благородие, госпожа удача. М.; Эксмо, 2002.
2. *Окуджава Б.* Пока я на волю отпущен... // Дружба народов. 1991. № 4.

[4] РО ИРЛИ, ф. 805, оп. 1, ед. хр. 83, л. 4.